

Антоний, игумен Почаевской лавры

ОПИСАНИЕ МОЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ И СЛУЖЕНИЯ, НАЧИНАЯ С 1859 ГОДА ПО 1-Е АВГУСТА 1874 Г.¹

Глава 9-я. Назначение в Тегеран и отправка

В 1864 году в Персию назначен был посланником Николай Карлович Гирс², бывший генеральным консулом в Букареште. Сам он лютеранин, но жена его, урождённая княгиня Кантакузен, и все дети православные. По приезде в Тегеран у них родился сын и оставался некрещёным. До тех пор у нас не было постоянного священника при миссии в Тегеране, а приезжали по временам иеромонахи из Тифлиса для исправления треб, и это стоило правительству больших денег. Николай Карлович, очень нуждаясь в священнике как для преподавания Закона Божия детям и для крещения своего сына, стал ходатайствовать через обер-прокурора об учреждении постоянного причта при миссии, мотивируя свою просьбу тем, что постоянный причт нисколько не дороже обойдётся повременных командировок из Тифлиса в Тегеран. Просьба была уважена, тем более что за Николаем Карловичем была родная племянница Государственному Карловичу³. Святейший Синод предписал экзарху Грузии: не найдётся ли в его епархии способного и достойного иеромонаха. Экзарх Грузии по рекомендации о. ректора указал на меня, и дело было решено. Карьера открывалась завидная: заграничная служба не то, что внутри империи – ценится гораздо выше, триста червонцев содержания, стол у посланника, квартира, отопление и освещение готовые, и сидеть не сложа руки, а заниматься серьёзным делом. Чего желать лучше такому маленькому человеку, как я? И действительно, многие не без зависти смотрели на моё назначение; а я совершенно хладнокровно относился к этому делу. Зная свою слабость, предвидел, что тут могут [быть] и увлечения, и искушения, и среда, окружающая меня, будет мне не по духу, не сойду с нею, останусь в изолированном положении. С большею охотою и любовью я ушёл бы на Афон, чтобы удалиться от суеты мирской и беспрепятственно предаться богомыслию, а то меня тянут в самый омут мирской, вляяться всяким ветрам страстей. Да видно, я ещё не был способен к жизни созерцательной, от меня требовалась жизнь деятельная, чтобы пройти всю житейскую школу, все жизненные опыты, подвергнуться многим искусам, потерпеть тысячу поражений, узнать себя вдоль и поперёк, смирить свою гордыню и тогда только браться за подвиги умозрения. Не пререкаю воле Божией, буду ждать с упованием того часа, когда Господь возведёт меня от рова страстей и от брения спины, и поставит на камени нози мои, и вложит во уста мои песнь нову, пение Богу нашему. А до тех пор что делать? поскитаемся и по морю житейскому, поучимся милосердию, навькнем милостыне, приучим руку к подаванию. Целых пять месяцев длилось моё дело, но я ждал его решения без всякого нетерпения, мне решительно было всё равно: в мою или не в мою пользу оно кончится. В первых числах октября всё уже было готово к отъезду. Выдали мне двести пятьдесят червонцев на путевые издержки и первоначальное обзаведение, приискали мне двух псаломщиков, купили мы свой тарантас, и я навсегда распрощался с Тифлисом, сели втроём и поехали. Это было 3-го октября 64 года. Дорогой я заметил, что один из моих подчинённых, старший псаломщик Кузьменко наделает мне впоследствии немало огорчений, в чём и не ошибся. Они вызваны были из разных мест, один из Нахичевани, другой из Шемахи на скорую

руку; поведение их скрывалось во мраке неизвестности, один даже с дурною отметкою. Брать их или не брать с собою вполне от меня зависело. Но я мало обращал внимания на отметки, имел веру в человеческую добродетель, полагал, что благим примером и словом можно и дурного человека исправить. Да и выбирать было не из чего, других русских псаломщиков не имелось в виду во всём Закавказском крае, а грузин брать не хотелось: дурно поют и читают по-русски. По приезде в Тифлис мои псалмы с месяца времени вели себя отлично, хмельного в рот не брали, и пели и читали постоянно в крестовой церкви на глазах у экзарха и его ввели в заблуждение. Мне оставалось только радоваться, что Бог благословил меня такими людьми. Но радость моя была непродолжительна. При самом отъезде Кузьменко показал себя, кто он такой. Целый час заставил ждать себя на дороге, явился в повозку пьянейший и наговорил мне дерзостей. Человек он был сильный, здоровый, видный собою, мастер великий петь, голос басистый, гармонистый, октаву берёт хорошо. А таковые обыкновенно не отличаются смиренством и уж непременно придерживаются чарочки, не жди от них ни почтения, ни субординации. Таков, к сожалению, и был мой Кузьменко. Если он сравнит меня с собой по внешности, так что же я пред ним? Червяк, не более, букашка. И рост, и до родство, и сила, и голос, и красота – все преимущества на его стороне.

Доехали мы до Эривани⁴; в пьяном виде надебоширил там что-то Кузьменко, его сочли за беглого и посадили в полицию. Я протестовал против этого и написал запрос в полицию, – на каком основании так поступили? Сейчас же освободили Кузьменко. Экзарх в то время находился в Эривани; он возвращался из Ордубата⁵, куда ездил освящать новоустроенную церковь, и первый из экзархов посетил этот край, до него никто из них не бывал здесь. Все граждане рады были до бесконечности такому гостю; надобно было видеть энтузиазм, с которым его встречали и провожали. Его Высокопреосвященство нарочно пробыл здесь несколько дней, чтобы в воскресенье отслужить литургию и сказать назидательное слово народу. Офицеры крепостного гарнизона превзошли всех своим усердием, сделали между собой подписку, задали великолепный обед экзарху, вся эриванская аристократия была приглашена, в том числе и я удостоился служить и обедать с Его Высокопреосвященством.

Накануне этого дня я должен был несколько отравить благостное расположение архипастыря, рассказав ему о поступке Кузьменко и о том, как поступила с ним полиция. Дело поведено было так, что виновною оказалась более полиция, чем Кузьменко, – зачем его арестовала. Кончилось тем, что здешний полицмейстер уже поздно вечером приехал к экзарху с извинением, что это было недоразумение со стороны полицейских агентов, и тут же он задал им выговор, а Кузьменко я защитил на свою голову, как окажется впоследствии.

Едем далее; местность не представляет ничего замечательного, голая, пустынная, безлесная, редко-редко где встретится перелесок. Но вот вправо от дороги между Эриванью и Нахичеванью высится гора, которая имеет всемирное значение, – это библейский Арарат, на котором остановился ковчег Ноев. А вот и Гокча или Севастийское озеро, в котором прияли мученический венец 40 севастийских мучеников во времена Диоклетиана⁶. Оно почти круглое, в диаметре вёрст семь, не более; берега с трёх сторон отлогие, а с южной стороны высокие, крутые, лесистые. Недалеко от берега маленький островок, а на островке Армянский монастырь, вероятно, в память 40 мучеников⁷. В озере в большом количестве ловится форель, и нигде она не достигает такой величины, как здесь, – до трёх четвертей и более, даже в аршин. Дорога идёт по самому берегу; на наше счастье рыбаки только что заметали тоню; весь улов мы у них живьём купили и взяли с собой. На ночлег сварили себе уху и досыта наелись этой белой, нежной и вкусной форели, а остальную высушили в печи и питались ей до самого Тегерана. Так без особых приключений добрались мы до границы на Араксе⁸, вёрст пятьсот от Тифлиса. Здесь декорация изменяется, экипажная езда прекращается, начинается верховая вплоть до самого Тегерана. Вся кавалькада из восьми лошадей: три под нами, две вьючных и

три под конвоем. Один чапар нам дан был из Тифлиса до самого Тегерана, и по два конвойных давались на каждой станции. Не привыкать стать мне ездить верхом, этому искусству как нельзя лучше я научился в Кахетии. Отпустим вьючных вперёд и скачем во весь галоп, в три дня сгоряча проскакали вёрст триста от Аракса до Тавриза. Зато здесь у консула Ступина отдыхали суток трое; версты за три от города встретил нас секретарь консульства Банщиков; помещение отвели в самом консульстве; Ступин был со мною очень любезен, особен[но] жена его, умная, образованная дама, большая говорунья. Оба они, равно как и дети их, мне очень понравились. Но с персианами Ступин не любил церемониться; он задавал им такого страха, что они его трепетали. При мне он давал официальный обед здешним дипломатам и видно было, с каким подобоострастием они относятся к консулу. Перед самым нашим отъездом консульские кавасы⁹ из персиян провинились в чём-то пред Ступиным, он выбежал на них с кием и порол такую горячку, что они ошалели и не знали, что делать. Тут только я узнал, что это за огнедышущий вулкан наш консул в Тавризе и за что его так боятся персиане. Поневоле забоишься, когда мне со стороны даже боязно было смотреть, как он их распекал. От Тавриза одну станцию нас провожал драгоман¹⁰ консульства Ивановский. Мне дали горячую-прегорячую лошадь, которая страшным образом заносит. Едва мы успели выехать из города, как она закусил удила и понесла меня со всех ног, как вихрь летучий. Я жду, что вот-вот пройдёт мания, уgomонится мой конь ретивый, перестанет пороть горячку; ничего не бывало, целый фарсах¹¹ несёт и только более разгорячается. В стороне недалеко от дороги была высокая земляная ограда, которыми обыкновенно обносятся все здешние сады; я хватил в сторону и держу на ограду прямо в надежде, что побережёт себя мой буцефал и не бросится со всех ног на стену. А у него только искры из глаз мечутся, что ему и ограда; ударился мордой об стену и тут только пришёл в себя, стал как вкопанный. Догоняет меня Ивановский и рад до бесконечности, что я цел и невредим, а буцефал стоит, понуря голову, как будто раскаивается в своём поступке. Но тут драгоман пришёл в азарт, начал распекать каваса, зачем мне дали такую лошадь, и ну его чистить по морде; а Ступин, узнавши об этом, просто-напросто выпорол на конюшне каваса. После этого урока по кавалерии мне уже не страшны были никакие персидские буцефалы, какую бы горячку они не пороли. На любого садишься смело и храбро, дашь ему погорячиться с полфарсаха, много фарсах, вот уж и уgomонился и тебя уж начинает бояться. Так домчались мы до Казвина. О Казвине стоит сказать несколько слов. Нигде нет таких обширнейших садов и ниоткуда не вывозится столько винограду и всякого рода фруктов, как из Казвина. По крайней мере, половина города под садами, и за город во все стороны версты на три тянутся всё те же сады виноградные. Климат здесь самый благоприятный, народ здоровый, сильный, цветущий; постройка, разумеется, невзрачная: мазанки из глины или нежжёного кирпича с плоскими крышами, с окнами внутрь, как во всех азиатских городах. Но в этих саклях, как видно, не дурно живётся здешнему люду; вряд ли из персиян вы встретите красивее казвинцев. Город расположен на обширной равнине, с трёх сторон окружён горами, а с четвертой на юг открывается долина шириною вёрст десять, а длиною сто восемьдесят вёрст, почти до самого Тегерана. По долине там и сям протекают ручьи и потоки или искусственные каналы и орошают обильно поля и дают богатую жатву. Селения встречаются редко, зато они обширны, многолюдны. В Тегеране давно уже ждут нас, из Казвина мы послали телеграмму, за один фарсах от Тегерана выехали к нам навстречу из миссии двое чиновников – младший драгоман и женделян¹². Наконец мы в Тегеране, 3-го ноября 64 года, ровно через месяц после выезда из Тифлиса, тысячу вёрст проскакавши верхом и пятьсот в экипаже. Город расположен также в долине, составляющей продолжение или зигзаг той бесконечной равнины, которую уже мы проскакали. С трёх сторон в отдалении виднеются горы, голые, мрачные, опалённые; на юг расстилается опять та же долина и ещё тянется вёрст на пятьдесят до самого Хамадана¹³. Местность кругом Тегерана степная, бесплодная, ни травы, ни кустика, всё пожжено палящим солнцем Ирана. Растут

только волчцы и терния; в переходах по безлюдным степям караванов верблюды могут питаться волчцами, а терния собирают в снопы и употребляют вместо топлива. Тегеран имеет форму квадрата, собой не обширен, не больше какого-нибудь нашего губернского города и на вид некрасив, не видно ни одного огромного здания, кроме дворцовой башни, летней прохлады персидского шаха, которая возвышается над всем городом. Общий колорит Тегерана неприятный для глаз, пепельно-серый от постройки, слепленной из глины или нежжёного кирпича. Кругом обнесён стеной столь же прочной кладки, как и дома; стена претендует на название крепости, а её в иных местах пробьёт ружейная пуля. Со всех четырёх сторон имеется по одним воротам; на пепельно-сером фоне ворота ярко бросаются в глаза своим изяществом. Построены в виде арки с высоким коническим куполом из изразцового кирпича, по сторонам минареты, изукрашены барельефами, узорами и разными изображениями в персидском вкусе. Тегеран не богат садами, не то, что Казвин, и климат не такой благорастворённый, как там. Летом жара непомерная от изменности места. Помещение для миссии близ шахского дворца, в том самом доме, где убит был наш известный Грибоедов¹⁴, бывший посланником при персидском дворе в 1829 году.

Глава 10-я. Семилетнее пребывание при миссии в Тегеране

Приняли меня в миссии как давно желанного гостя. У посланника был сын по одному году ещё не крещённый. Первым моим делом было окрестить маленького язычника; на память об этом событии мне подарен был прекрасный ковёр, шитый цветными шерстями, из букетов и роз, грациозными ручками двух дочерей посланника, который хранится у меня и доселе. Через месяц после приезда, когда я совсем обзавёлся, по привычке и кругом осмотрелся, мне дали серьёзное дело: читать закон Божий двум старшим девочкам и двум мальчикам попеременно.

И сам посланник, и всё его семейство мне чрезвычайно нравились, – такие простые, незаносливые, в обращении ласковые, приветливые; в церковь придут, стоят так благоговейно; дома у себя и утром и вечером молятся неопустительно, а посланник так по два часа простаивает на молитве у себя в кабинете, как мне говорили его приближённые. Зато Бог и благословил это семейство: семеро у них детей и все один другого лучше, и все вскормлены грудью самой матери, а не какой-нибудь кормилицы. Французскому языку и элементарным наукам обучал их швейцарец Гильём, а музыке – немец Гейзе. Артист был этот Гейзе в полном смысле этого слова. На званом обеде с таким пафосом начнёт, бывало, наигрывать, что все заслушаются; голос у него серебристый, гибкий, симпатичный, и играет и вместе аккомпанирует, прелесть что такое. Особенно мне нравилась одна его пьеса, которая уж больно мне приходилась по сердцу; и теперь ещё помню её мотивы. Как бы я ни был уныл и скучен, но если Гейзе заиграет эту пьесу, как что отвалит от сердца, я вдруг делаюсь весел. Знал он страсть мою к этим мотивам и уж непременно сыграет их для меня нарочно. Другой учитель, Гильём, ни слова не знал по-русски, и я не могу сказать об нём ни слова, только, кажется, он был атеист, как я мог догадываться из его разговоров с детьми, которые они мне передавали, и на меня он смотрел не совсем дружелюбно, да Бог с ним, я не имел с ним никакого дела. С другими чиновниками я также близко не сходилась. Все они люди равнодушные к вере; для них хоть будь хоть не будь священник – всё равно; очень легко обойдутся и без попа и без церкви, а, пожалуй, и без религии, так уж они воспитаны. Впрочем, для прилики в церковь иногда ходили из уважения к семейству посланника. Все они люди с большим гонором, много о себе думают, на нашего брата смотрят свысока; за счастье должны почитать, если скажут с тобой два-три слова, да и то скажут с презрением, насмешливо, мимоходом. Насколько они были любезны, и предупредительны, и услужливы в отношении к семейству посланника, настолько же горды в отношении ко мне. Не ищи между ними друга и приятеля, с кем бы душу отвести. И я волей-неволей жил особняком, не заводил с ними никакого знакомства. Во избежание скуки и бездействия я начал зани-